

«Плата за вдохновение».

Вспышка молнии озарила комнату, осветив огромную кровать. Уже через мгновение лежащая на ней пара снова окунулась во тьму. Раскат грома, быстро догнавший зарницу, заставил женщину как можно сильнее вжаться в бок мужчины. Её тряслось.

— Глупенькая моя, чего же ты боишься? Это просто гроза. Она скоро закончится, уйдёт, и останется только дождь. И ты быстро заснёшь под него... — Из-за липкого пота на спине женщины успокаивающее поглаживание превратилось в растирание. Мужчина вытер ладонь о простыню.

Горячее прерывистое дыхание обожгло ему грудь.

— Ты... Ты же знаешь, как я боюсь грозы! Этот жуткий грохот словно сотрясает меня саму... Я слышу его внутри себя!.. А ветер! Ты послушай его вой!

— Да, ветер неслабый... Но это просто ветер! Тем более, он снаружи, а мы внутри — что может случиться?

Мужчина скосил глаза на тумбочку, где мягким светом обозначали себя фосфоресцирующие стрелки часов. Мда, этот спектакль длился уже полтора часа, а времени было глубоко за полночь. И что же, что в постели они оказались поздно, а укладываться спать стали ещё позднее? Так и спали бы! Но нет, надо же было Гале в очередной раз показать, какая она впеча... Очередной раскат грома почти совпал со вспышкой молнии, заглушив мысли мужчины и заставив его вздрогнуть. Галя попыталась зарыться в простыню.

— Ти-и-им, мне страшно! Кажется, что сердце вот-вот разорвётся, стоит грому ещё раз...

— Тш-ш-ш, моя девочка, что ты такое говоришь! — Мужчина поспешил прервать стенания пассии, понимая, что они могут вот-вот перейти в слёзы. — Всё с тобой хорошо будет! Я же с тобой. Скоро всё закончится, и ты крепко уснёшь...

Он едва не добавил: «И я, наконец-то, тоже», — но вовремя остановился: если Галя сейчас не уймётся, про сон, вероятно, придётся забыть. А ведь ему до обеда надо попасть в галерею и договориться о деталях своей выставки. И здесь необходима адекватность восприятия: это первая выставка после нескольких лет творческого застоя, и к своему возвращению — несомненному, громкому — необходимо тщательно подготовиться.

Мужчина повернул голову и улыбнулся: несмотря на темноту, картину, висящую на стене у окна, он мог описать детально. Художник залюбовался представшим в сознании полотном. Обстановка способствовала этому: грозовая ночь оживляла изображённую им сцену шторма. Эта работа непременно станет жемчужиной экспозиции!

Ветер ударил в форточку, и стёкла задребезжали. Галя забилась мелкой дрожью. Тим закатил глаза и глубоко выдохнул: ему хотелось спать, а не пытаться в очередной раз успокоить истеричку.

Галя затихла, но Тим чувствовал, как напряжено её тело. «Может, надо было сразу уходить спать в мастерскую, а не вестись на все эти “Давай поговорим?”, “Обними меня”? Давно бы уже спал...» — подумал он, зевая.

Следующая вспышка прорезала небо уже в отдалении. Искры сыпались на фиолетовые тучи и тут же таяли в воздухе. Тима всегда завораживали эти мгновения, вмещающие в себя столь многое. Хрупкость и сила, одновременно проявляющиеся за несколько секунд, влекли его, как и другие противоречивые явления этого мира.

– Потрясающе! Я, наверное, никогда не устану восхищаться грозой! Это же, считай, сочетание огня и воды, настоящая алхимия!..

Галя приподняла голову, бросив быстрый взгляд в окно.

– Угу, и магия. Если мысль о том, что меня унесёт ветром, я всё же могу отогнать... То не думать о том, что ветер выбьет стёкла, не получается... Я почти вижу их осколки на полу.

Девушка вздрогнула. Кудри коснулись груди Тима. Невыносимо щекотно! Только сейчас это нисколько не дразнило, а наоборот, раздражало, усиливая нарастающую усталость.

Он встал и, обойдя кровать, нашупал на стене Галин очник. Мягкий полукруг жёлтого света выхватил фрагмент картины и мощную, словно вырубленную из дерева, фигуру мужчины, застывшего перед ней.

На богемных юношах-художников, чьи неотличимые друг от друга образы заполонили массовую культуру, Тимофей Смолин не был похож ни возрастом, подходящим к пятому десятку, ни внешностью: изящными его черты назвать было сложно. Несмотря на явное несоответствие стереотипу, одухотворённость творца была в нём видна.

Его творения были под стать автору: масштабные, мощные, буйные – неудивительно, что больше всего он любил писать стихию и батальные сцены. Размениваться на мелочи или незначительные сюжеты Тимофей не любил, однако к деталям относился с удивительной дотошностью.

Она проявилось и в этой картине. Блеск мокрого дерева, люди, балансирующие в движении из-за качки, тяжесть и неподатливость рвущегося из рук матросов паруса... Всё это на фоне огромных волн и молний, которые также были тщательно прописаны. С волнами пытался справиться трёхмачтовый парусник, но его потрёпанный вид и действия экипажа говорили зрителю о том, что даже у такого гиганта ничего не получится. Корабль опасно накренился вперёд, а в его корму вот-вот была готова ударить волна. На носу, под кливером, стояла девушка.

Неискушённый зритель, возможно, решил бы, что она нужна как элемент романтики и для подчёркивания накала страстей, но те, кто знал о маниакальной любви Тимофея к деталям, могли, вооружившись лупой, увидеть, что это Галя. Крошечная фигурка ничем не выражала страха перед стихией: наоборот, она явно наслаждалась огромными волнами, грозой и ветром. Тим объяснял Гале, что у женщин есть особая связь со стихиями, и эта – кстати, единственная на полотне – воплощает в себе их повелительницу. Галю такое объяснение не очень убедило, но ей льстило, что она запечатлена на картине: одно дело слышать, что ты чья-то муза, а другое – получить этому реальное подтверждение.

Но в целом полотно пугало девушку: насколько её возлюбленный был в восторге от разгула стихии, настолько же Гая её боялась. Реалистичность пейзажа усиливала страх и вызывала тревогу.

Мощный, явно приспособленный для долгих путешествий, парусник огромные иссиня-чёрные волны подкидывали, как игрушку. Тёмно-фиолетовое с серым отливом небо не давало надежды на скорое завершение шторма, а его слияние с водой усиливало ощущение, что земли больше нет. Весь мир этой картины был водой, ветром и жуткими молниями, вонзившимися в пространство раскалёнными штыками. Молния, прописанная на переднем плане, освещала палубу, по которой бегали матросы, стремящиеся уберечь судно от стихии. Женщина, стоящая на носу корабля, была чужеродной и явно лишней. Её красное платье, выделявшееся на общем фоне, казалось каплей крови на полотне.

Сейчас, глядя на картину, Гая думала, что Тим, скорее, изобразил её в насмешку, а не от каких-то высоких чувств. Он любил контрасты, любил парадоксы, и подобная шутка была бы как раз в его духе. От этой мысли девушке стало не по себе, и она перевернулась на другой бок. Тимофей ещё какое-то время полюбовался своей работой и, убедившись что Гая утихла, выключил свет и вернулся в постель. Перебирая варианты размещения картин и места среди них этой, мужчина уснул.

Его сон прервал звон стекла на кухне. Ветер явно что-то натворил. Отбросив покрывало, Тим нехотя встал с кровати. Уже в дверях он, не удержавшись, обернулся посмотреть на спящую Галю. Хрупкая бледная фигурка казалась островком посреди синего океана прстыни. В очередной раз подумав, что всё-таки надо уговорить её позировать обнажённой, возможно, даже лежащей на волнах, Тимофей пошёл устранять последствия стихии.

Прогнозы на скорое завершение грозы оказались неоправданными: вновь разбушевавшийся ветер распахнул створку окна, смахнув на пол несколько кружек и вазу. «Дважды мёртвая глина. Из этого мог бы получиться интересный натюрморт», – привычно оценил обстановку художник. Не по-летнему ледяной воздух окутал мужчину, но он, преодолев желание поскорее закрыть окно, вышел за тапками: не хватало ещё наступить на осколок! Настроение и без того было отвратительным.

Глядя на разноцветные черепки, Тим пытался вспомнить, скольких чашек он лишился. Не самая лучшая ситуация, чтобы тренировать память, но ему отчаянно хотелось отвлечься от мыслей о непогоде.

Ветер не унимался, и его скорость и злость начали внушать опасение и Тимофею. Он убрал с подоконника всё, что там было, выключил свет и подошёл к окну, чтобы посмотреть, не пострадала ли от упавших ветвей машина.

В этот момент форточка, закрытая им пару минут назад, распахнулась – и врезалась мужчине в лоб. Это было так неожиданно, что Тим попятился и потерял равновесие. Когда он падал, ему показалось, что он слышит крик Гали в спальне, но в то же мгновение затылок обожгла боль и Тим отключился.

Это всё-таки случилось: ветер выбил стекло! Галя поняла это сразу, даже не проснувшись полностью. Простыня на месте Тима была холодной. Она одна. Что может быть хуже ожившего кошмара?..

Девушка села, пытаясь осознать, что делать, как вдруг почувствовала, что какая-то сила тянет её с кровати. Прямо к окну! Галя метнулась к дальнему краю постели, но вскочить и убежать ей не позволил ужас, сковавший тело. Кровь, как волны, билась в виски, и громче неё был только кошмарный ветер. Когда Галя ощутила, что снова движется по кровати, и поняла, что это не сон, она закричала. Не желая сдаваться, она изо всех сил рванулась в сторону дверей, но едва успела затормозить перед проехавшим мимо комодом. Монстр из морёного дуба забаррикадировал дверь. Галю тянуло в одну сторону, а его в другую – что за чертовщина?! Девушка вцепилась в кровать, но притяжение извне нарастало, и она поняла, что долго не продержится.

Вскоре девушка потеряла счёт времени, хотя была уверена, что всё происходит быстро, слишком быстро. За свою слабость было обидно до слёз. Солёные слёзы напомнили о морской воде, и она почувствовала себя щепкой, гонимой ветром.

Руки не слушались, и вскоре Галя почувствовала, что пальцы разжимаются. Мощный поток воздуха тянул её к окну. В последней попытке спастись девушка ухватилась за простыню, которая, разумеется, поползла вместе с ней. Голое тело обжигал ковёр, пытаясь зацепиться за который, она переломала ногти. Но Галя даже не заметила этого: в какой-то момент она услышала поблизости крики и поняла, что сходит с ума: голоса доносились не из окна. Кричали матросы на картине.

То ли падение, то ли рывок – нечто молниеносное и тошнотворное, что прорвало границы комнаты и холста. Галя поняла, что всё ещё жива и рискнула открыть глаза. Лучше б она умерла!

Всё, что было вокруг – это огромные волны и чёрное небо. Ветер доносил до неё солёные брызги и крики людей. Она обернулась: по палубе сновали матросы, пытаясь уберечь корабль от бури. Спешно убирались и привязывались паруса, крутился, как бешеный, штурвал... Матросы спешно переносили вещи в лодки. Но что-то подсказывало Гале, что это не поможет. Как она оказалась в картине – в том самом кровавом платье и на носу корабля – её не волновало: на фоне стихии всё казалось таким пустым и бессмысленным.

Не было ничего, что могло бы противостоять такой силе. «Хозяйка морей» – прозвучал в голове насмешливый голос Тима. От такого издевательского воспоминания Галя вновь разрыдалась. Она хотела вытереть слёзы, но руки не слушались её. Как в дурном сне... Но это точно не было сном, поэтому Галя вновь попыталась поднять руку. Когда и эта, и следующая попытки провалилась, девушка осознала: они привязаны к перилам палубы. Что?! Галя отчаянно рванулась, но ничего не вышло.

– Что такое, не получается? – Раздался над ухом грубый голос, принесший с собой кислый запах спиртного. – А я-то думал, верёвки для ведьмы не преграда!

Галя повернула голову: какой-то мужлан недобро смотрел на неё покрасневшими глазами.

— Зря я не послушал команду! Верно они говорили: «Баба на корабле – к беде!». Но ты здорово запудрила мне мозги своими рассказами о власти над стихиями. И где мы теперь? По твоей вине! Даже дьяволу неизвестно!

Капитан рывком развернул Галю к себе, и она скривилась от боли в вывернувшихся суставах.

— Ты за всё заплатишь, ведьма! Из-за тебя я потерял корабль, но ты с него никуда не денешься! Будешь рассказывать свои сказки рыбам на дне!

Несмотря на безнадёжность своего положения, спускать грубияну с рук такое поведение девушки не стала. Да, грозы она боялась до дрожи в коленках, но никогда не позволяла мужчинам унижать себя. Из всех сил наступив каблуком капитану на ногу, Галя постаралась ударить его головой в нос, как когда-то показывал Тим. Манёвр удался, а ударившая в этот момент в борт волна усилила его. Мужчина взвыл, а качка и алкоголь помешали ему удержаться на ногах, и он отлетел в сторону. Галя стала трясти руками, желая поскорее освободиться. Мерзавцы привязали её так, что она совсем не видела путь из-за рукавов, а кисти были слишком далеко друг от друга. К тому же намокшие верёвки и не думали ослабевать. Что же делать?.. Галя стала озираться, ища поблизости хоть что-то острое, хотя бы сучок на перилах, когда заметила надвигающуюся на корабль волну. Неужели это и есть девятый вал?! Похожая на огромную кобру чёрная вода спешила к кораблю.

Капитан поднялся на ноги и двинулся к Гале. В руке его блеснул нож.

— Ты что себе, портовая сука, позволяешь? Думаешь, я...

Раскат грома заглушил поток красноречия, но не остановил самого мужчину. Волну – тоже. Галя твёрдо решила, что не позволит себе умереть из-за этого ненормального, поэтому всё внимание и остатки сил сосредоточила на противостоянии капитану. Он подошёл к ней, тяжело дыша, и схватил за волосы. В следующий миг Галя ощутила холод лезвия на шее. Пока что – только плоскости.

Понятно, хочет поиграть... Напоследок.

В этот момент перед кораблём вырос гребень волны – и Галя рискнула. Вцепившись зубами в руку капитана, она дёрнулась в сторону от ножа. Он выпустил оружие, но не волосы.

— Ах ты дрянь!

Пощёчина пришлась на половину Галиного лица, и она почувствовала тёплые дорожки крови, побежавшие по коже. Мужчина замахнулся было для второго удара, но тут его под руки взяли два матроса, стремительно уводя к шлюпке: он был последним членом экипажа, оставшимся на обречённом судне.

Гале было уже не до них: она успела зажать локтем падающий нож, и он был её последним шансом. Неловко зажав рукоять зубами, девушка принялась пилить то место, где, как ей казалось, намотано меньше верёвок. Сколько у неё времени до того, как волна ударит вновь? Галя подняла глаза. Слишком близко. Но и верёвка начала поддаваться! Когда девушка поняла, что может освободить запястье, она тут же перехватила нож.

Мгновение спустя на неё обрушился океан.

Тимофей очнулся с жуткой головной болью. Первым делом пришло ощущение, что голова расколота на части, как те черепки, что он собрал... Ночью? Который час? Мужчина осторожно сел, опёрся на стену и ощупал голову. Шишка на затылке по ощущениям была с кулак. Не вставая, он переместился к раковине, закинул в неё полотенце и кое-как включил воду. Потрогал нос: вроде целый. Ну хоть так, а то Галя перепугается... Галя!

Вспомнив о её крике, Тим подскочил. Что с ней? То, что явно случилось что-то плохое, не вызвало сомнений: иначе бы он не очнулся на полу. Держась за стену, мужчина встал и застонал: цветные пятна, появившиеся перед глазами, вызывали тошноту и физическую боль. Обмотав голову полотенцем, он, как мог быстро, пошёл в спальню.

Дверь была прикрыта, хотя он точно помнил, что оставлял её нараспашку. Когда Тимофей, толкнув её, понял, что дверь чем-то подпёрта, ему стало не по себе: чтобы Галя заперлась одна, ещё и в грозу?! Да и что она может сдвинуть-то? Напрягшись, мужчина приоткрыл дверь, но не настолько, чтобы пролезть в проём. Мелькнувшая в нём разорённая кровать заставила Тима ускориться, забыв о боли. Гали в комнате не было. Если только... Он поспешил сделать несколько шагов вперёд, вдоль царапин, оставленных комодом на паркете. Страх увидеть Галю на полу у кровати боролся с желанием увидеть её, убедиться, что она... Есть.

Но её не было. Была скомканная простыня на полу, разбитое окно и... Упавшая на пол картина со сценой шторма.

Тимофей медленно подошёл к ней, чувствуя нарастающий страх. Картина стояла в луже воды. Повинуясь бессознательному порыву, мужчина попробовал её, и так же неосознанно отметил: солёная. Взгляд его был прикован к картине. На ней были видны обломки корабля, перевёрнутые шлюпки и кусок красного полотна, некогда бывшего Галиным платьем...

Говорят, после той грозовой ночи Тимофей Смолин за считанные дни создал больше десятка сюжетов, которые объединяло одно: сцены спасения женщины в красном платье. Она забиралась в опустевшую лодку; её подбирал корабль; она причаливала к большой земле; она возвращалась в родной город и его квартиру... Но только не назад в реальность.